

ПАВЕЛ ДЕВЯШИН

ГРОЗОВАЯ ТОПЬ

18+

Павел Девашин

Грозовая топь

<https://litres.ru/73855193>

SelfPub; 2026

Аннотация

РОМАН

Клюква — ягода смерти. Так говорят в «Грозовой топи». Здесь болото не кормит — оно пьёт кровь. Вода помнит утопленников по именам. Туман жёлтыми пальцами душит всякого, кто осмелится подойти.

Когда карета Анастасии Глебовны вязнет в трясине, она думает — это самое страшное, что может случиться. Но в усадьбе её ждут яд, револьверы и сталь, а в болоте — тот, кто знает вкус смерти. И останавливаться он не намерен.

Сможет ли хрупкая женщина остановить убийцу там, где мужчины тонут один за другим? Или «Грозовая топь» получит ещё одну жертву?

Готический детектив в декорациях русской провинции.

Содержание

Глава первая, в которой выясняется, что клюква — ягода смерти	4
Глава вторая, в которой срывают маски	11
Глава третья, в которой нет ничего, кроме писем	20
Глава четвертая, в которой появляется муж науки	29
Глава пятая, в которой высшие материи пасуют перед бренными нуждами	38
Глава шестая, в которой Варя теряет ассигнации, но обретает нечто большее	43
Глава седьмая, в которой на жизненном пути встречаются кочки	49
Глава восьмая, в которой перед Ворониным простирается лестница в небо	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Павел Девашин

Грозовая топь

Глава первая, *в которой выясняется, что клюква — ягода смерти*

Топь — место гиблое. Здесь и вода, и торф, и мох с глиной — всё сливается в вязкую, густую могилу. А губительнее всего — потребность дышать. Запаникуешь, пойдешь махать руками — и всё... Считай, конец! Болото только того и ждёт: от людской возни сил у него прибавляется втрое. Чем яростнее бьёшься, тем быстрее идешь ко дну.

Вода заполняет лёгкие, смешивается с кровью. Ни человек, ни зверь такого не вынесут. Минута, две — бац! — и сердце взрывается, как крынка на солнце. Прими, Господи, душу раба Твоего, да со святыми упокой.

Старухи рассказывают детям страшные байки, чтобы отвести от клюквенных болот. Говорят, там живёт водяной чёрт — глаза огненные, тело покрыто рыбьей чешуёй. Встретишься с ним — пиши пропало: схватит когтистыми лапами, оплетёт плавниками и утащит в ил.

Но, слава Богу, таких несчастных находят редко. Где-ни-

будь в соседних имениях. А тут утонула не какая-нибудь жучка-дворяжка или корова, а целая карета — да прямо у «Грозовой топи».

Настасью пронизывал ветер, срывая шляпку с густых каштановых волос. Но девушка не отворачивалась — по лицу с изящно очерченными скулами катились слёзы. Она стояла на берегу и смотрела, как рессорная коляска медленно уходит на дно. Как на поверхности омута вздымаются и опадают пузыри, играют лунные блики.

У края болота собрались местные мужики. Матерились, крестились, чесали в затылке.

— Что скажете? — обернулась Настя. — Вытащим?

Сказала и с досады ударила кулаком по бедру. Хотели сэкономить время — а потеряли целый день! Когда ещё вытянут? Когда высохнет?

Мужики вошли в воду, сделали шаг-другой — и выскочили обратно. Карета пришла в движение, начала тонуть, словно в неё насыпали камней или сырой земли. Хорошо хоть распрягли лошадей. В эту минуту гневные бились на берегу, нервно прядая ушами.

За спинами раздался спокойный голос:

— Куды? Не суйтесь, православные, сами сгинете.

Средь толпы вышагивал длиннобородый старец с резным посохом. Он не кричал — говорил тихо, мирно, со всем почтением.

За ним следовала веснушчатая девка в сарафане. Её воло-

сы были заплетены в две необыкновенно густые и длинные косы.

Появление чужаков странным образом успокоило и людей, и болото. Оно словно приготовилось внимать голосу старца.

— Сколь раз предупреждал: нельзя сворачивать на третьей версте! — сказал он, останавливаясь и проводя ладонью по бороде. Из глубины всклокоченных волос немедленно отозвались колокольчики. — Кто путь сокращает, кто за клюквой гонится... У, хищная гадина... Не ягоду находит, а свою смерть.

Крестьяне невольно переглянулись.

— Прошу вас, матушка, — продолжил старец, — не позволяйте людям заходить в воду. Здесь гиблое место. Шаг-другой — и начнётся истинный Вавилон.

Настасья сделала знак: «Стоять на месте». Однако все и так притихли. Слышался взволнованный шёпот:

— Терентий Волхв это!

— Гликося, вышел к людям. Летом-то. Да ещё ночью.

— А с ним Палашка... Сызнова непутёвой достанется...

— Тихо ты! Услышит!

— Ну и пускай... Чёрт бородатый.

Никто толком не помнил, давно ли Волхв живёт на болоте. Явился невесть откуда, построил хижину. Чем промышляет? Неясно. Жжёт костры, бормочет молитвы. Кто знает, кому он их адресует — Господу или болотным духам? Сказывали,

будто Терентий каждый день топит в болоте птиц да мышей. Плетёт небылицы и вообще — давно повредился рассудком.

Была у Терентия и настоящая изба. На околице, без тына и окон, но всё же человеческое жилище: с печью, лавками и соломенной периной. Он жил в ней зимой — со дня Андрея Первозванного до мясопустной субботы.

— В жизни всякого отшельника, — говорил Терентий, — самое тяжкое — забыть о людях. Посему с первым снегом возвращаюсь к очагу. Лежу на печи, жую калачи. Побуду средь сынов человеческих и сызнава становлюсь для них своим. Вновь всех люблю и в каждом вижу искру Божию.

Но всё это Настя узнала потом. А сейчас смотрела на старца с таким удивлением, с каким уважающий себя человек взирал бы на говорящего пса.

Убедившись, что никто не собирается тонуть, старец низко поклонился Анастасии Глебовне. Камыши зашелестели, скрывая его из виду, под ногами весело зачавкала грязь. Вдали зазвенели колокольчики. Девка блаженно улыбнулась и пошла следом, почти не приминая траву.

Слушая, как местные вполголоса обсуждают ушедших, Настасья пожалела, что заранее не уточнила дорогу и не знала, в какой местности находится деревня её дяди.

Что же это выходит?

Карету не спасти. Саквояж потерян. Кошель мужа с деньгами утонул. Между прочим, сто рублей! Огромная потеря.

Одно хорошо — Терентий не позволил достать карету —

и тем спас жизни.

Настасья закусила губу.

Эх, Настя, Настя... Как же тебя угораздило? Во всём виновата сама! Сидела бы дома... Во что ввязалась? Не женское это дело.

Три дня они ехали по губернии: через густые леса, бескрайние ржаные и овсяные поля. Мимо проплывали городки, сёла, усадьбы. Все опрятные да чистые, будто вчера изпод кисти художника. Почтовый тракт пересекали реки, чьи пустынные берега наводили на мысль, что на много вёрст вокруг нет ни души. На редких станциях встречались трезвые смотрители. Где уж тут надеяться на свежих лошадей, когда нельзя рассчитывать и на чай-сахарок? А найдёшь матрас без клопов — считай, повезло. Вот оно, счастье...

Завтра утром они должны были прибыть в «Грозовую топь» — усадьбу дяди. Настасья, уставшая от дороги и расстроенная разлукой с мужем, велела кучеру торопиться. Обещала золотой рубль, коль доберутся до места к ночи. И вот у третьего верстового столба карета свернула с тракта да угодила в трясины.

Слава Богу, успели выскочить — и двуногие, и четвероногие. Промокли, замёрзли, но живы и почти здоровы. Пострадал лишь форейтор Стёпка — нахлебался воды до рвоты.

Можно сказать — отделался лёгким испугом.

Во что она впутала себя и остальных?

Не лучше ли сдаться? Такие испытания не для хрупких

плеч. Да и что делать с платьем? Вон во что превратилось. Надо вернуться на постоянный двор, где совсем недавно наслаждались запечёнными бекасами с мальвазией... Вернуться и купить новый наряд.

Что-то скользнуло под лопатку.

Только пиявок ей не хватало! Нет... До постоянного двора далеко. Усадьба ближе. Скорее раздеться и осмотреть себя, решила Настасья. Только не здесь, не на виду, а в укромном месте. Те кусты отлично подойдут.

Под ивой сидел её спутник — Сергей Макарович Вяземский, похожий из-за белых кудрей на Купидона. Он вряд ли её увидит. Больно темно. И потом в эту минуту мужчина явно погружён в переживания. Утонул почти весь его гардероб, шутка ли?

Пальцы Настасьи потянули за деревянные пуговицы. Лунный свет коснулся её обнажённой груди, словно любовник, что впервые притронулся к девичьему телу, — робко, трепетно, но не в силах устоять перед желанием. Однако в этом прикосновении сквозила и холодная отстранённость врача, оценивающего плоть без страсти и без привязанности, — будто свет лампы над операционным столом.

Словно услышав мысли Настасьи, мужчина поднял голову. Ожидал, что она перехватит взгляд, вскрикнет или начнет браниться. Но, полагая себя незамеченной, молодая женщина качнула бедрами, и платье соскользнуло с её стройных ног. Сергей Макарович забыл дышать. Перед ним осталось

лишь движение — тень в свете луны.

Он испытал смешанные чувства — восхищение и стыд. Был готов отдать всё... за один-единственный поцелуй.

Мечтательно прошептал:

— Ночи созданы для любви.

Однако, если бы ночь умела слышать, на её устах появилась бы циничная усмешка. Ведь для кого-то она станет последней. Нет, не для этих двоих.

Ни она, ни он не подозревали, что ещё до рассвета здесь, на клюквенном болоте, в страшных муках погибнет человек.

Его найдут по скрюченной, покрытой тиной руке... По чёрным, словно застывшим в благословляющем жесте, пальцам.

Глава вторая, в *которой срывают маски*

Когда до полуночи оставалось не более четверти часа, они наконец оказались в «Грозовой топи» — старинной и богатой усадьбе.

Настасья с Сергеем Макаровичем отправились налегке. Шли, разговаривали. Из рук в руки переходила термическая фляга с кофе. Судя по нахмуренным бровям, между путниками разгорелся спор.

Время от времени Настасья Глебовна поводила плечами, проверяя, хорошо ли сидит новый наряд. Крестьянский сарафан, одолженный у супруги деревенского старосты, пришелся впору. Не образец парижской моды, но чистый, опрятный и, что самое главное, сухой.

— Вы не вооружены? Собираетесь махать кулаками? — спросила Настасья, проверяя в ридикюле американский «дерринджер». — Говорить буду я. И помните: что бы ни случилось — не вставайте передо мной. Рискуете получить пулю.

— Пулю? — скривился Сергей Макарович. Даже при свете луны было видно, как он побледнел. — Не припомню, чтобы вы хоть словом обмолвились, что визит к вашему дяде может оказаться опасен. Разве нам понадобится оружие?

Настасья покачала головой:

— Вряд ли. Скорее осторожность, понимаете? Особый такт...

Её спутник вскинул подбородок, щелкнул пальцами.

— Не учите учёного, мадемуазель! Тонкая душевная организация — часть моей натуры. Как говорится, кто не имеет такта, тот невежда, а невежда без души — и вовсе болван.

— Это из Фонвизина? «Недоросль»? — вздохнула девушка. — Вы, господин Вяземский, актёр. И мне говорили, что первый в Приволжье. Извольте следовать плану. Помните реплики?

Сергей Макарович приосанился.

— Сделка есть сделка! — воскликнул он. — И потом, мы же договорились: обращайтесь ко мне по сценическому псевдониму — Пре-мье-ров. А что касается реплик... Кхм... Будь здрав, любезный государь, властитель сёл окрестных, душ человеческих помещик...

— Тише, — прыснула Настасья. — Разве не видите, это двор усадьбы. Со второго этажа могут наблюдать. Считайте, что мы уже за кулисами. А вот и сцена.

С этими словами девушка указала на господский дом.

Минуто спустя они, в сопровождении камердинера, вошли в вестибюль. Слуга поклонился и молча засеменил по анфиладе комнат. Настасья последовала за ним. Сергей Макарович пожал плечами и ускорил шаг.

Переступив порог столовой, Настасья с любопытством

огляделась. Белёный потолок поддерживали колонны, паркет образовывал изысканный орнамент. Мастер использовал древесину дорогих и редких пород. В воздухе покачивалась люстра. Настя знала, чтобы удерживать этакий канделябр, требовалась целая система цепочек, крючков и тросов.

Камердинер указал гостям на кресла и удалился.

Вскоре в зал вошёл мужчина средних лет в шерстяном сюртуке английского кроя. На длинном, словно орлиный клюв, носу поблескивало пенсне.

Он кивнул гостям и задержал на актёре внимательный взгляд. Неужто узнал?

— Добрый вечер, милостивые государи! Ваш фореитор Степан прибыл час назад и сообщил о предстоящем визите. О дороге не спрашиваю — наслышан... Какая трагедия! Но мы живы, и ужин никто не отменял. Покорнейше прошу к столу. Мой дом — ваш дом. Не угодно ли домашнего вина? Или, может, анисовой?

Сергей Макарович оживился. Раскинув руки, словно для объятий, он пробасил:

— Будь здрав, любезный государь, властитель сёл окрестных, душ человеческих помещик...

Настасья незаметно толкнула спутника в бок и перехватила инициативу:

— Простите, Алексей Алексеевич, что мы вот так запросто. Да ещё посреди ночи. От ужина и впрямь не откажемся. Меня зовут Анастасия Глебовна, а это мой супруг — Сергей

Макарович Премьеров.

— Очень приятно, дорогой Сергей Макарович, — вялая искра интереса угасла, и хозяин повернулся к даме. Понял, кто в этой паре истинный «премьер». — Отведайте, чем Бог послал. А что на дворе ночь — не извольте беспокоиться. У меня всё одно бессонница. Посидим, пригубим по бокалу. Заодно поговорим о деле. Вы же за этим явились, не так ли?

На ужин — или как назвать приём пищи в полночь? — подали каплуна с подливой из рыжиков и пирожки-трюфели с печеночной начинкой. Блюда оказались холодными, это немного испортило впечатление. Однако вино было выше всяческих похвал. Хозяин не пожелал будить слуг и лично следил, чтобы тарелки и бокалы гостей не пустовали.

— Ну что ж, — молвил Алексей Алексеевич, утирая маслянистые губы, — как вам сии места? Не правда ли, чудесны? Не пора ли обсудить стоимость покупки?

Настасья отняла руку от бокала и хотела что-то ответить, но актёр её опередил:

— Признаюсь, я — городской житель. Покидая цивилизованные края, ожидал найти здесь мошкарку и непролазную грязь, а вместо этого... — Он повёл рукой. — Ваша усадьба, пожалуй, самая европейская среди уездного захолустья. Так сказать, наиболее комфортабельная берлога в медвежьем углу! А что говорить про дом... Истинный шедевр зодчества. Такой не стыдно купить. Что, голубушка, совьём здесь семейное гнездо? Сколько вы просите, сударь?

Хозяин не ответил. Он разглядывал девушку сквозь пенсне с таким выражением, словно стёклышки причиняли ему боль.

Настасья Глебовна сказала:

— О цене поговорим позже. Вы спросили, Алексей Алексеевич, как нам эти места? Ваше имение находится в отдалении от почтовых трактов и речных путей. Увы, мне не удалось найти о нём сведений даже в путеводителе господина Кудрина. В этом уезде газет пока не печатают, и узнать о «Грозовой топи» другим способом невозможно.

Девушка говорила, а Сергей Макарович, чуть захмелев, смотрел на её белую шею, любовался изящными прядями. Отправив в рот очередной рыжик, он поёрзал на стуле.

Настя слегка порозовела и действительно была чудо как хороша. Однако второй мужчина смотрел на неё без всякого обожания.

Слушая географическую лекцию, он с каждой минутой хмурился.

— А впрочем, — рассмеялась Настасья с нарочито простодушным видом, — какое это имеет значение. Напротив. Чем дальше от городов — тем лучше!.. Тишь да гладь, да Божья благодать.

Сглупила, сглупила... Нельзя было давать ему почувствовать, что я умнее. Теперь насторожится.

— Вы правы, сударыня! — кивнул хозяин и принялся перечислять прочие достоинства «Грозовой топи» с усердием

конокрада.

Актёр осушил очередной бокал и жестом, подобным тому, которым царь Давид в нашумевшей театральной постановке прерывал спор матерей, остановил говорящего:

— Акры, речки, рожь, пшеница, мельницы, два смычка гончих — всё это, конечно, прекрасно, милостивый государь, но сколько душ вы готовы уступить? Где ваши крепостные? Мы никого не встретили, кроме камердинера. Кстати, удовлетворите моё любопытство — он что, у вас немой?

— Оставь, Серёжа! — Девушка замахала салфеткой. — Это, в конце концов, невежливо. Алексей Алексеевич, мы покупаем сей чудесный дом. Найдётся ли у вас купчая?

Это было немного прямолинейно, но выбора не оставалось. Актёр слишком вжился в роль и в любую минуту мог всё напортить.

Хозяин сдёрнул пенсне.

— Разумеется, мадам. Коль не терпится, я сейчас же схожу в кабинет и принесу необходимые документы.

— Я предпочитаю вести дела именно там, в кабинете, — вдруг заупрявилась Настасья, — пусть муж насладится вашими замечательными трюфелями. А мы покамест подпишем бумаги.

Сергею Макаровичу вдруг стало не по себе. Казалось, воздух трещит от напряжения, словно до предела натянутая скатерть.

Алексей Алексеевич поправил галстук-бабочку и напра-

вился к окну.

— Жарко... — пробормотал он, открывая задвижку. — Что за душная ночь.

— Стой, негодяй! Ни шагу! — воскликнула Настя и направила на хозяина свой маленький пистолет.

Поздно.

Мужчина резко толкнул раму — подоконник затрещал под его весом. Штора вместе с карнизом рухнула на пол, и через мгновение фигура в английском сюртуке растворилась во мраке.

Девушка поспешила следом. Сергей Макарович за ней. Поначалу он держался вплотную, но вскоре расстояние увеличилось вдвое, а затем и втрое.

Усадебный двор остался позади.

Окна дома и фонари хозяйственных построек скрылись в предрассветном тумане. Ветки орешника и ракиты больно хлестали по лицу. Под ногами хлюпала вода.

Начинались знаменитые топи.

Настасья остановилась, сжимая в руке «дерринджер», и нажала на спуск. Выстрел! Звук был похож на хлопок ладонями, затянутыми в лайковые перчатки.

— Мимо... — с досадой крикнул Сергей Макарович, едва не угодив под пулю. Отшатнулся, держась за бока.

— С ума сошли? Говорила же — не лезьте! И потом, я не собиралась ни в кого попадать. Это был призыв к капитуляции...

— К капитуляции? — скривился актёр и вдруг замер. —
Постойте... Куда он делся?

И действительно, лес словно замер.

Ветер гонял рябь по водной глади. До слуха доносился только шелест камышей.

Беглеца нашли к утру — по скрюченной руке. Алексей Алексеевич утонул.

Тело застыло у самой поверхности. Первые солнечные лучи падали на лицо, отчего оно походило на белую сахарную голову с выщербленными глазами и ртом. Казалось, её окунули в молоко и оставили сушиться на чёрной столешнице.

Этот человек был мошенником. Пойманный с поличным, он пытался скрыться — и сгинул. Или, как выразился поэтический Премьеров, угодил браконьер да в собственный капкан.

— Пойдёмте, Сергей Макарович, сделка отменяется, — сказала Настасья Глебовна. Она повернулась и зашагала к дому.

Вернувшись в столовую, села за стол. По щекам катились слёзы.

Скоро с охоты вернётся дядя — истинный владелец усадьбы. Как объяснить ему, что произошло, и к чему этот маскарад?

Неплохо бы найти чернила и бумагу. Написать учителю. Да, непременно написать...

За спиной раздался сочувственный голос актёра:
— Не стоит плакать, Настасья Глебовна.

Подняв покрасневшие глаза, она только сейчас поняла, что так и не выпустила из руки пистолет.

Всхлипнув, обвела комнату грозным взглядом, пытаясь найти корень всех бед — и направить пулю прямо в него.

Глава третья, в которой *нет ничего, кроме писем*

ПИСЬМО ПОЛИКАРПОВА

Мая 9-го.

Бесценная моя Анастасия Глебовна!

Дальше писать о погодах и службах стало решительно невозможно, потому как в вашей жизни наметился коренной перелом. Всё, милая! Настала пора. Поверьте старому ищейке.

Посему не сердитесь, что я тотчас перейду к делу.

Доложу я вам, Анастасия Глебовна, что после вашего последнего письма спал я ночь отнюдь не добрым порядком, до рассвета глаз не сомкнул. А ведь мне с утра в должность...

Вы писали, ангельчик, что тревожитесь за вашего дядюшку Цаплина Александра Митрофановича — приволжского помещика. Дескать, в письмах к вам его степенство жалуется на отсутствие денег. Хозяйство цветет как никогда, новый управляющий кончил академию и дело свое знает, ржи да овсы произрастают исправно, но... нет прибыли. Одни убытки! Не успеешь оглянуться, как придет зима, а мужиков нечем

кормить.

Тут я понял, что к чему. Однако заставил себя успокоиться и дочитать ваше послание до конца. Ох и тяжело мне ныне с бумагами. Подводят старика глаза. Было время, когда глядел на версту вперед, дорогая моя. Старость — не радость! Теперь всё видится размытым. Поработаешь вечером при свечах, так наутро краснеют глаза, а слёзы текут так, что неловко перед подчиненными. А ваш покорный слуга все-таки уездный исправник!..

Но да я отвлекся...

Читаю дальше и понимаю, что и вы, Анастасия Глебовна, всё уже разгадали. Сами же пишете, мол, удивляется дядя, вернувшись с охоты, что всякий раз в кабинете находятся странные вещи: чья-то табакерка или позабытое пенсне. Барин таких не помнит, а спрашивать дворню глупо. Управляющий лишь пожимает плечами.

Словом, ясно — он-то и есть мошенник. Учен математике и прочим наукам, владеет ораторским искусством и на службе дай Бог скоро полгодика... Иуда задумал продать усадьбу вашего дяди, ведя от его имени переписку с господами из дальних губерний. С теми, кто не знает Цаплина в лицо. Оттого всякий раз во время отлучек барина в «Грозовую топь» приезжают покупатели, торгуются. Одно хорошо, управляющий оказался больно жаден и заламывает непомерную цену.

Простите, но скажу твердо: отправляйтесь туда и разоблачите преступника! Спросите у дяди, когда он намерен охо-

титься, и, притворившись покупателем, езжайте в имение. Рядитесь с негодяем и настаивайте на подписании купчей. Она-то, милая моя, и станет вашим доказательством в любом уездном суде.

Что вам чахнуть в четырех стенах? Вы, друг мой, утверждаете, что замужней женщине не к лицу играть в сыщика. Оно, конечно, правильно и разумно. Супруг дан самим Господом-Богом, и его нужно слушать. Конечно, ваш Матюша — самый приличный мужчина из всех, кого я знаю. Но не во всем должно следовать мужниной воле... Вспомните, как вы позволили ему выбрать занавески на окна! Те, с маками! Сами же писали, сколь они вас раздражают. А ему, поверьте, всё едино. Обрадуется, если вы их снимете и велите повесить другие. Послушайте пусть старого, но... мужчину.

Знаю, дорогая, что вас беспокоит. Вы часто писали о матери. В том или ином контексте, но Антон Поликарпов восстановил картину, и теперь ему ведомы призраки прошлого.

Поправьте, если ошибаюсь, но когда ваша матушка была беременна, доктора решили, что роды опасны. Отец поддерживал это мнение и умолял супругу прервать срок. Она и слушать не стала...

К моей глубочайшей скорби, ребёнка не спасли. Вы были маленькой девочкой и прочно усвоили: мужчину — мужа или отца — надлежит слушать. Не перечить даже в мелочах. Не женское это дело — идти против мужского слова.

Но вы, дорогая, живёте в иное время. Ваш муж — добрый

и заботливый человек, он не воспрепятствует благородному порыву. Испросите благословения и отправляйтесь в «Грозовую топь». Сделайте доброе дело!

У вас, Анастасия Глебовна, настоящий аналитический талант. Не зарывайте его в землю.

А если угодно, поведаю историйку из своей должности. Это вам добрый пример.

Про подвиг Дуняши — служанки курганского городничего — вы, конечно, не слыхали. В прошлом году история о том, как самоотверженная служанка спасла своего господина от яда, наделала много шума.

Уездный купец по фамилии Лысенко просил о беспопытливой торговле пенькой (той, что замачивается в Бретани и славится мягким конопляным волокном), но получил отказ. Что-то у него не вышло: то ли перешел дорогу высокому начальству, то ли не смазал нужные шестеренки. В итоге возненавидел городничего до безумия — не в метафорическом, а сугубо врачебном смысле. Тронувшись умом, решил втереться к обидчику в доверие. Что ни день таскался в присутствии пить чай. Болтал о керосине, спичках и ценах на дрова, травил байки, а сам неприметно подсыпал курганскому властителю в самовар долгоиграющей отравы. Она не убивала сразу, а имела, как принято говорить в криминалистике, накопительный эффект. Дуняша — до чего умная девка! — разгадала каверзу и, конечно, обо всем поведала господину, но тот не поверил. Решил, дуре примерещилось. И что вы

думаете, друг мой? Дуняша не отступилась, стала пить чай. Ее худосочную отраву проняла быстрее, и бедняжка околела в страшных муках.

В связи с сим прискорбным поворотом событий губернский художник написал картину. На ней разгневанный городничий, уподобленный Ивану Грозному, велит заковать отравителя в цепи. Купец стоит на коленях с опущенной головой подле бездыханной и верной Дуняши. Полотно сторговали на петербургском аукционе крупному газетному издателю. За три сотни!

В действительности Лысенко застрелился. Не удивляйтесь, милая. Давно замечено, что отъявленные негодяи при малейшем затруднении склонны хвататься за револьвер.

Как бы то ни было, слава неподкупного и принципиального городничего распространилась на весь уезд, и вскоре его превосходительство назначили губернатором Тобольской губернии. Хотя... Раскрыть преступление после того, как оно стало очевидным, заслуга, прямо скажем, невеликая. Любой дурак бы смог.

Это я вот к чему: следует, подобно Дуняше, всякому из нас, человек, стоять на своем. Не малодушничай, не пасуй перед трудностями, и воздастся. Непременно воздастся, милая моя!

Я своего мнения не переменю. Собирайтесь в путь-дорогу, Анастасия Глебовна. Прижмите мерзавца к ногтю. Однако вот вам совет: оставьте Матюшу дома. Уж больно он бес-

хитростный человек, хоть и кровь Моисеева... Но нельзя и без мужа, мошенник вмиг вас раскусит. Тогда что? Наймите, ангельчик, в каком из театров актера поавантажнее, назовите супругом. Единственно для прикрытия! Сделайте милость, не побрезгуйте советом. Отнесите к сей маленькой лжи сугубо профессионально.

Засим прощайте, дружок! Расписался я вам чуть не на пяти листах, а старику давно пора на боковую. Целую ручку, дорогая, и пребываю

вашим покорнейшим слугою и вернейшим соратником
Антоном Поликарповым.

P. S. Вы утверждаете, Анастасия Глебовна, что вашему мужу нужна тихая, покорная овца, а не норовистая кобыла. Но подумайте, кому нужна кобыла, что мнит себя овцой?

Засим прощайте, друг мой.

ПИСЬМО НАСТАСЬИ

(писанное в первую ночь по прибытию в «Грозовую топь»)

Июля 7-го.

Милостивый государь, Антон Никодимович!

Не знаю, как рассказать, чем всё обернулось... Клянусь, добрый Антон Никодимович, я честно пыталась следовать вашим советам. Знаю, чего они вам стоят, каких внутренних сил, знаю, как переживаете за меня. Сколько раз писала, что-

бы берегли здоровье и нервы; что я не в силах воздать за ту заботу, которой вы окружили меня.

Всё прошло как предсказывали. Желая предупредить мошенника, направила в усадьбу форейтора Степана. Управляющий убедился, что не привлечет внимания настоящих слуг, предстал липовым камердинером и провел нас в залу. После, переодевшись в цивильное, встретил в образе помещика.

Действуя по психологической методе (помните, учили меня, Антон Никодимович?), я свела дистанцию меж своим твердым намерением купить усадьбу и алчностью управляющего до минимальной. Однако проявила чрезмерную непреклонность в вопросе о подписании купчей. Передавила!.. Негодяй что-то заподозрил и прыгнул в окно.

Божечки, пишу, а сама плачу! Ах, Антон Никодимович, простите за слезные капли на бумаге... Он утонул! Погиб, понимаете? Так испугался возмездия, что бежал в топи. Не разбирая пути, в кромешной тьме...

Теперь в спину будут тыкать пальцами. На этот жест нельзя отвечать, потому что он справедлив, и нельзя не отвечать, потому что слуга закона имеет обязанности перед обществом, и в произошедшем нет моей вины. Или всё-таки есть?

Что будет дальше? Какова моя судьба? Вперед и посмотреть страшно. Следовать ли пути, что вы пророчите мне?

Достойно ли из благородных побуждений прибегать к лжи? Привлекать к этому других? Еще вчера, да что там —

утром, — я была уверена в правоте. Но смерть — убедительнейший из аргументов. То, что случилось, едва ли несчастный случай. Сие — подлинная трагедия.

У всех наступает миг, когда чувствуешь: так более продолжаться не может. Ныне придется поссориться с вами, Антон Никодимович...

Вы пишете и советуете преступить убеждения — выйти из тени супруга! Однако упорно держитесь собственных правил: не позволяете себе даже сойти с крыльца, не облачившись в шелковые сорочки да сюртуки, со свежей розою в бутоньерке и симметрично завитыми усами...

Нет, добрейший Антон Никодимович, я не стану распутывать преступлений. В России — самой передовой стране — женщине нет места среди мужчин. Дождусь, пока с охоты вернется дядюшка, всё ему поведаю, с недельку погощу и... назад, к мужу. Отныне Матюша составит всю мою жизнь, весь мой интерес.

Знаете, сейчас приняла решение — и сразу легче!

Я словно находилась в театральном партере с двумя сценами, и на каждой давали свое представление. Какую пьесу смотреть?

Слыхали, милостивый государь, выражение о меньшем зле? Время опустить занавес на той сцене, где действие причиняет боль не только мне... Пусть речь идет о жизни преступников. Однако и они люди.

«Буду искать другое решение», — вывожу последнюю

строку, а свечи давно погасли. Комнату заливают рассветные лучи. Вот оно — утро нового дня. Моей новой, лишенной тревог жизни.

Письмо вас непременно взволнует, Антон Никодимович, но обещайте, учитель, что сегодня ляжете раньше; сами жалуетесь на глаза.

Ну, прощайте. Сегодня и смерть, и необратимость, и тоска! Знать, уж день такой! Прощайте.

Ваша

Настасья.

Глава четвертая, в которой появляется муж науки

Николай Алексеевич Воронин, судовой врач, офицер лейб-гвардейского экипажа, ехал через луг. Он был в косоворотке и ситцевой фуражке, словно самый обыкновенный рыбак.

Английская коляска, скрипя и прыгая на ухабах, битый час не могла доставить его к болоту. Туда, где водились самые крупные пиявки в уезде. Если говорить по-научному — *hirudinea maxima*.

Это был стройный мужчина сорока двух лет с внимательным взглядом вечно прищуренных глаз. Его длинные, до плеч, волосы имели тёмный каштановый оттенок. Однако с прошлого года в них кое-где искрились седые нити, словно мастерица-жизнь украсила пряжу серебром. В уголках губ и на лбу залегли морщины, какие бывают у военных или чиновников. У мужчин, привыкших сосредоточенно и подолгу хмуриться.

Николай Алексеевич обладал воинским званием и офицерской выправкой, однако считал себя не солдатом, а учёным и отдавал всё свободное время науке.

Вот и сейчас он правил упряжку к знаменитой трясине, дабы раздобыть пару-тройку пиявок. А лучше — дюжину.

Конечно, не ради кровопускания из тех частей тела, куда не дотянется скальпель (дёсен или срамных мест), а исключительно в научных целях.

Воронин знал: современная медицина отказалась от учения «дурной крови», согласно которому все болезни происходят от гнилого человеческого сока. Однако знал и другое. Пиявки понижают свёртываемость. Это наблюдение он сделал, когда был ассистентом у профессора Левина.

Сегодня выпала возможность во всём обстоятельно разобраться.

Не из пустого любопытства, а в поисках ключа к болезни. И пусть нынешние врачи считают пиявок пережитком, Воронин верил: природа не ошибается. Она только притворяется мёртвой, но внутри таится лекарство.

Пиявки... Что за прелесть!..

Знай прописывай их пациентам с тромбозом! Пареная репка и то мудренее...

Шелестела листва, летнее солнце выбивало из трав изумрудные искры. Однако сельский пейзаж Воронина не радовал.

На душе, в существование которой он не очень-то верил, скребли кошки. Стоило отвлечься — и горло вновь стискивал спазм. Перед мысленным взором вставал отделанный красным деревом зал.

Вот он, как наяву.

На трибунах собрались джентльмены во фраках. В пламе-

ни свечей кружится калейдоскоп бокалов, пенсне и сигар. Всюду табачный дым. Слышится смех и приветственные речи. Да лай собак за окном.

Петербургское научное общество!

Членство в нём было целью последних десяти лет Николая Алексеевича. Но всё это в прошлом...

В тот мартовский день, когда на повестке двенадцатого съезда стоял вопрос о принятии нового кандидата, Воронин навсегда распрощался с мечтой. Он помнил каждую деталь. Рад бы забыть, но...

С появлением председателя — Платона Степановича Голенищева-Аминева — шум в зале стих. Помнится, в тот миг, словно по волшебству, захлопали форточки, комната наполнилась свежестью ранней весны. Высокий и сухопарый мужчина двигался сквозь толпу, словно английский ледокол. Он не улыбался, не отвечал на приветствия и не пожимал протянутых рук. Шёл через зал, звеня драгунскими шпорами, которые носил постоянно — даже когда не был в мундире. Отсюда и прозвище — Есаул.

Там, где он проходил, становилось тихо. Лишь за окном не унимались собаки — им, слава Богу, чинопочитание не к лицу. Пардон — не к морде.

Приговор прозвучал в начале пространной речи. Есаул был резок. Слова гремели, как команды: «Эскадрон! Шашки наголо! Рысью марш!»

Воронина не приняли в сообщество по надуманной при-

чине. Он, видите ли, не годился на роль учёного, поскольку... был холостяком.

Девушка, для которой он месяц назад купил кольцо, ушла. Её можно понять. Николай Алексеевич находил время для всего на свете: изучал медицинские трактаты, смешивал порошки, препарировал лягушек...

Был занят с утра и до вечера.

В ежедневнике не нашлось места лишь для неё — живой и весёлой. Если Воронина и занимали цветы да столь любимые девицами ягоды, то исключительно с точки зрения тычинок и пестиков.

Верно говорят, беда не ходит одна.

Услышав очередной отказ, Николай Алексеевич не дрогнул. Не выказал разочарования — хотя чувствовал себя так, словно его отделали дубиной. Или, выражаясь по-военному, протащили через десяток шпиритусов.

Он, посвятивший жизнь науке, ощущал себя пустым, как треснувший кувшин, из которого капля за каплей вытекла вода.

Приговор грянул едва ли не сразу, но председатель говорил добрую четверть часа.

Воронин морщился. Главное сказано — к чему тратить слова? Но стоило ему погрузиться в собственные мысли и перестать слушать — немедленно раздавался звон шпор, и отвергнутый соискатель вспоминал, где он и что происходит. Проклятье! Испанская гаррота и та милосерднее...

В заключение Есаул пожал плечами:

— Извините, господин Воронин, однако устав строг. Третий параграф «Об основательности» запрещает соискателю без должного семейного положения вступать в общество. Так предписывают соображения морали.

В зале раздались одобрительные возгласы. Кто-то громко прочистил горло, иные аплодировали.

— Однако... — сказал Есаул и как бы в задумчивости подкрутил ус. За окном особенно громко залаяли собаки. — Да кто-нибудь отравите уже этих шавок. Так о чём я?.. Мы готовы — и думаю, все с этим согласны — сделать исключение. Пересмотрим прошение, скажем, через год. С одним условием.

Он сделал паузу и оглядел зал, приглашая собравшихся разделить благую идею. Стало тихо. Умолкли даже собаки.

— Предоставьте научному совету доказательства помолвки. Не хмурьтесь, Воронин. Вам отлично известно, как заручиться благосклонностью дамы. Тем паче это не представляет проблемы для человека со столь звучной фамилией, обладателя завидных капиталов и протекций в обеих столицах.

«Ах вот как! — скривился Николай Алексеевич. — Стало быть, любовь и брак у вас, высокие моралисты, возможны на коммерческой основе?»

Конечно, с иной девушкой можно и договориться. Но как долго горячее сердце выдержит игру в неправду? В романтических делах консенсус, другими словами — «рацио», — ин-

струмент негодный. Пусть даже и подкреплённый деньгами. Крепкий брак по расчёту невозможен. Лишь любовь является надёжным соединительным материалом. Создавать семью без неё — всё равно что колотить забор без гвоздей и брать с досок честное слово, что они не отвалятся.

— Итак? — молвил Есаул. — Что вы намерены делать?

— Да вот думаю наведаться в «Грозовую топь».

С этими словами Николай Алексеевич покинул зал.

Членам клуба осталось лишь глазеть ему вслед. Постояли некоторое время, на все лады повторяя загадочные слова, и стали расходиться.

Вспоминая об этом, Николай Алексеевич сорвал ситцевую фуражку и в сердцах швырнул на сиденье. Не будет он — человек чести — плести интриги и обманывать. Вы, господа-учёные, не узурпировали науку. К ней можно и должно прийти иначе.

Однажды кумир Воронина — профессор Петербургского университета по кафедре анатомии, махнув «Шустовского», сказал:

— Обязанность всякого приличного человека — оставить после себя нечто стоящее. Большинство делает ставку на детей, однако дураку ясно — сие битая карта. Или, выражаясь языком коммерции, неосновательная инвестиция. Отпрыски могут вырасти и стать негодьями, пьяницами... А что сто-крат ужаснее — не вырасти вовсе. Увы, юноша, сами знаете, какова нынче детская смертность. Нет, семья — худое

подспорье. Добиться благих результатов всяк обязан исходя из личного призвания. Художник — написать картину, поэт — оду, а врач... Врач должен сделать медицинское открытие. На худой конец, излечить как можно больше пациентов. Кровь и пот — вот ваше оружие.

В эту минуту крови, положим, Воронин не лил, но пота было хоть отбавляй. Под рубашкой бежали ручьи. Муж науки вздёрнул подбородок. Какие бы препятствия ни ждали на пути, он оставит после себя добрую память и, главное, пользу.

За тем и прибыли-с.

Осталась самая малость — найти этих чёртовых пиявок.

Просёлочная дорога, вопреки ожиданиям, вывела не к болоту, а на широкий луг. Николай Алексеевич приложил ладонь ко лбу. Кто это там машет косами? Дед, три здоровенных мужика (судя по одинаковым квадратным лицам и надбровным дугам — братья), пять баб и целая гурьба детей, младшие из которых бегали в рубашках — без штанов.

Поравнявшись с ними, Воронин натянул поводья.

Незнакомец — без головного убора, с идеально прямой осанкой — выглядел настолько необычно, что крестьяне бросили работу и уставились на него: кто с любопытством, а кто с нескрываемой тревогой. Подъехавший походил на мужика, но держался барином.

— Здравствуй, отец! — улыбнулся Воронин, смахивая рукавом капли со лба. — Бог в помощь. Где тут у вас болото?

Дед вскинул клочковатую бороду, и Николай Алексеевич наткнулся на взгляд мутных от катаракты глаз.

— Что вас всех туда манит-то? Кто с сачком, а кто с мерилом. Всё спрашивал, глыбко-нет... Ищут, ищут, а нам тут жить.

— Прошу прощения?

— Болото, барин, тут недалеко. Вся наша жизнь — почти-тай болото... Ага. Вона как вертимся, чтобы концы с концами свести. Ужами, значит, гадюками. Не гневись, барин, не могу я те даже отрока дать. Надо косить, пока не жарко. Ты вот что: поворачивай телегу и поезжай к тому вон леску. Ишь вдалеке? Ага. Там и болото и есть. За ним, значит, за лесочком-то. Ага. Уразумел?

— Ага, — кивнул Воронин, поворачивая «эгоистку».

Солнце с подлостью битого каторжника швырнуло в глаза россыпь зайчиков. По спине текли уже не ручьи, а целые реки.

Искомое болото, по заверениям деда, что по скользкости и впрямь не уступал ужу, было всего в паре вёрст.

Однако с таким же успехом оно могло располагаться за океаном, в американских штатах. Николай Алексеевич пошатывался от жары. Время потрачено зря.

Он задумался: не повернуть ли обратно? Покачав головой, направил коляску, куда указал дед.

— Из-за меня мы заблудились, старина, — сказал он коню. — И сейчас, и вообще. Мы по уши... в том, во что при-

личные люди обычно не наступают. И не надо фыркать! Ни твоё осуждение, ни мой сарказм не вытащат нас из этой кавасаии.

Конь наострил уши. Сквозь стук копыт и скрип колёс доносился щебет степной пустельги:

— Фьюить... фьюить...

Глава пятая, в которой высшие материи пасуют перед бренными нуждами

Варя резко дёрнулась, стул скрипнул под ней, и девушка едва не рухнула на пол. «Не слишком ли наиграно?» — мелькнуло в голове. Но нет, в самый раз: нужно, чтобы баба Люда поверила — спиритический сеанс провалился.

Не видать ей покойного мужа как своих ушей. Однако неудачный обряд — не повод оставаться без оплаты. Придётся просительнице раскошелиться. И весьма кстати... Время платить оброк.

Напротив Вари сидела повитуха из соседней деревни. Ждала признания от покойного мужа: «Куда, ирод, сунул алтын?!»

Варя взглянула на неё из-под ресниц. Баба Люда сплела пальцы с такой силой, что побелели костяшки. Любопытно, дышит ли?

Что ж, спектакль продолжается...

На лице лже-ворожеи мелькнула тень. Тонкие чувственные губы плотно сжались. Из груди вырвался сдавленный хрип, щёки побледнели — казалось, по ним вот-вот скатятся слёзы.

— Это что? Опять не вышло? — заворчала повитуха. —

Зря, значит, наливку несла? На что она, если дролечка не пришёл?

— А как иначе прогнать посторонние запахи? — Варя развела руками. — Я ж объясняла: запахи сплетаются, как нити ткут полотно всего сущего — и видимого, и незримого. Всяк знает, что мертвеца на этот свет тянет именно запах. Он, словно кот, играет с клубком. Без обоняния духа не вызывать. Для обычного человека нос — не главное, а для ворожеи — первое дело.

Для мистических обрядов известная на всю «Грозовую топь» колдунья использовала глоток наливки или вина.

— Что-то я не пойму, — перекрестилась баба Люда. — Они что, пьяницы?

— Кто? — девушка вскинула брови и выпрямилась, забыв, что должна изображать усталость.

Просительница перешла на шёпот:

— Покойнички, Варь!.. Летят на запах зелья, как разбойники на клич Кудеяра. Ты их хоть видишь?.. Страшно, наверное?

Ворожея скрыла улыбку.

— Души умерших — не страшили на огороде, а я — не ворона. Видеть не вижу, но чувствую.

— А мой чего не пришёл? Шалит! — не унималась гостья, злясь на покойного мужа.

— Порой и живым-то нечего друг другу сказать... — ворожея сверкнула зелёными глазами. — Баба Люда, признай-

ся, ела ты сегодня чеснок?

Женщина осторожно кивнула. Платок сполз на глаза.

— Откуда знаешь, девонька?

— Да или нет?

— Ну был грех... И что?

Варя подавила зевок, а вслух сказала:

— А то, что чеснок ворожбу губит! Иль не слыхала?

Вздыхая и охая, повитуха развернула куль с приготовленной платой.

— Приходи в другой раз, — бросила Варя, ловко подхватывая гривенник. Дело сделано. Заработала высшими материями — на бренные нужды.

Прежде чем положить деньги в шкатулку, задержалась у ведра с водой. Был у неё такой обычай — после обряда любоваться отражением. Зря что ли подводила глаза угольком, зря причесывалась? Рыжие волосы спадали на спину, холодный взгляд и выразительные брови придавали лицу строгость.

За окном раздалось громкое:

— Апчхи!..

Варя раздвинула занавески и увидела, что по заросшей тропинке вышагивает Антип Силантьевич — деревенский староста. Пусть приходит, нынче можно.

Дед, чью макушку когда-то венчала копна чёрных волос, а теперь — выгоревший пучок соломы, то и дело прикладывал платок к сливopodobному носу. Неужто сизнова захворал?

Нет, Варя не боялась заразиться — она никогда не болела, — гораздо хуже не заплатить оброк! То-то было бы крику, то-то Антип Силантьевич осерчал бы.

Слава Богу, в этот раз деньги собраны. Лежат в шкатулке, ждут часа.

Варя, будучи крепостной, принадлежала барину Цаплину, человеку доброму и прогрессивному. Он предоставил людям выбор: хочешь — отработывай барщину, а нет — плати оброк, по шести целковых с души.

В семье Зотовых был только один мужчина — трёхлетний Павлуша, сын сестры. Однако староста не делал поблажек: мальчишка, дескать, мал, но всё же мужчина — извольте платить. Порядок есть порядок.

Некоторые, отработывая урок, уезжали в города — трудились на мануфактурах, строили дома, промышленяли извозом. Варя выбрала своё: помогала людям ворожбой. И, само собой, лукавила. Но, по совести говоря, не выдумывала ничего особо крамольного и не брала втридорога. Всем ведь нужно жить. Любить и мечтать.

Мечтала и Варя.

В глубине души тлели грёзы о паровой палубе и кружевном зонтике... Эх, катить бы сейчас по матушке-Волге!

Однако реальность требовала денег — оброк ждать не будет.

Варя вздохнула. Сейчас вручит старосте положенное и всё... Девушка машинально поправила волосы и достала из

сундука шкатулку. Щёлк! Расписная крышка откинулась — и...

Варя отпрянула: она будто не шкатулку открыла, а крышку гроба — и теперь падала в чёрную бездну. Взгляд метался по пустому дну. Куда? Куда подевались деньги?!

Агафья!.. Теперь ясно, отчего сестрица отправилась на ярмарку с таким масляным лицом.

В дверь постучали — тихо, почти ласково. Заскрипели петли, и на пороге возник Антип Силантьевич. Вежливо поклонился.

— Здравствуй, Варвара!

На губах старосты играла улыбка. В эту минуту он походил на лису, что пробралась в курятник и уже примеривалась, какую курицу схватить первой.

Глава шестая, в которой Варя теряет ассигнации, но обретает нечто большее

Июльские дни длинны, но не бесконечны. Солнце медленно клонилось к закату. Небо стало серо-жёлтым — предвечерне тоскливым. В такие минуты сердце не находит себе места. Хочется либо бежать, не разбирая пути, либо броситься в чьи-то объятия.

А лучше — кого-нибудь придушить. Сразу полегчает.

Ступая по безлюдной дорожке, Варя ускорила шаг. Впереди маячил лес. Гнев закипал в груди, пузырясь, словно болотная жижа в грозу.

Спасибо тебе, Агафья, ненаглядная сестрица...

Без спроса взять из шкатулки всё, что накопили на оброк, и купить на ярмарке... плат! А ещё там были деньги на муку, соль, хлеб, квас...

ТЬфу!..

А Цаплину чем поклонимся? Что будем есть? Засолим разноцветную оренбургскую пакость и станем жевать вместо краюшки?

Хрустнули кулаки. На ладонях остались полумесяцы от ногтей. Но Варя не чувствовала боли.

Четверть часа назад она едва не выдрала сестре волосы.

Вот было бы смеху! Что бы люди сказали? Ворожея, мол, спятила. Или того хуже — никакая она не ведьма, а самая обычная баба. Завидует чужим обновкам. Вон как сестру «уважила».

Девушка уходила от села всё дальше. В голове прокручивался тягостный разговор.

— Ты, Варь, мала ещё сестру лаять, — Агафья и не думала раскаиваться, на лице играла улыбка. — Я, между прочим, для всех стараюсь. Кто к тебе народ созывает? Кто просит, чтоб за гаданием обращались?

Варя не ответила. Её захлестнул жар, какой бывает в бане, если плеснуть на каменку.

Агафья истолковала молчание по-своему.

— То-то! Куда без меня... Встречают, Варюш, по одежке. Никто не станет слушать бабу в обносках. А в платке: другое дело. Красота! Сразу видно приличную барышню... Таким от людей доверие.

Варя наконец обрела дар речи.

— Встречают, может, и по одежке, а провожают по уму! Стоит тебе рот открыть, дура... Люди разбегаются, словно куры от тарантаса.

Сестра отмахнулась. В голосе звучала усмешка:

— Пристала тебе охота бузить из-за шести целковых.

— Сделаем вот что, — Варя не говорила, а шипела. Так страшно, что прохожие невольно глядели под ноги — нет ли гадюки. — Пойдёшь туда, где взяла, да вернёшь обратно!

Казалось, небо вот-вот рухнет на землю, а ветер, проникшись торжеством старозаветного гнева, принесёт полчища саранчи. Но Агафья не испугалась. Её пальцы обхватили тонкое запястье сестры, и Варина кожа вспыхнула огнём.

— Будь по-твоему. Но сперва подумай, что с тобой станет? Без просителей-то... Соберёшь котомку и поплывёшь по Волге-матушке на этой твоей щепке с паровой механизмой? Ой, вряд ли! Цаплин тебя вмиг соседу продаст. Или племяннице подарит — Настасье Глебовне. А чего это у нас подбородок запрыгал? Что зубы клацают?

Варя прикусила нижнюю губу. Сильно. До крови.

Повернулась, ноги сами понесли её прочь.

Ярмарка осталась позади. Мысли путались, голые пятки сверкали на вечернем солнце, оставляя следы в дорожной пыли. В ноздри ударил знакомый смрад... Государыня-топь.

Варя остановилась, чтобы перевести дух. Гнев понемногу стихал. Душа покрылась изморозью, словно вода в корыте, что забыли во дворе в зимнюю ночь.

— Тьфу ты, — выдохнула девушка. — Свяжись с дурой...

Раздался стук копыт. Варя подняла голову.

Из-за опушки, со стороны покоса, вылетела английская эгоистка — новомодная одноместная коляска.

В упряжке был всего один конь. На голове у возницы — запылённая фуражка, волосы до плеч. Он мог показаться былинным героем, однако в руке держал не копьё и не палицу — куда там! — обыкновенный сачок.

Варя невольно улыбнулась. Что за поворот судьбы? Впрочем, ей ли не знать, что судьба посылает именно таких гонцов. С выпученными глазами и сачком для ловли стрекоз.

— На охоту собрались, барин? — поклонилась Варя, не скрывая ехидства. — На крупного зверя?

— Очень смешно, — покривился мужчина. — Где тут у вас болото?

— Дашь полтину — скажу!

Казалось, он только сейчас удостоил её взглядом. Так богачи смотрят через увеличительное стекло на дохлых лягушек.

— У меня только рубль.

— Да за рубль, мил человек, я вам не только про болото поведаю — за руку отведу. Всех пиявок и ужей по именам назову.

Незнакомец снял фуражку и улыбнулся:

— Спасибо. Я сегодня уже встречал ужей. С косами. Там — на лугу.

Варвара пожала плечами — и раз! — единым махом забралась в коляску.

— Двигайтесь, ваше степенство. Небось, поместимся. Тут близко, да всё одно: на телеге быстрее.

Незнакомец слегка оробел. Не привык к бесцеремонному поведению. Вжался в бортик, словно прикосновение Вариного бедра обжигало его кожу даже через брюки.

— Ладная у вас колымага! С каучуковыми шинами, на

рессорах. Английская? Да не рвите вы уздечку. Мягче, мягче. Лошадка только спасибо скажет.

Мужчина уже не смотрел на дорогу — только на неё. В его голосе звучало удивление:

— Разбираетесь? Кто учил?

— Встречалась с бариновым конюхом. Руслан Фёдорович душу дьяволу продал за лошадей да сбрую, — пожалла плечами Варя и, неожиданно для себя, добавила: — То дело давнее. Пустое-с.

Её пальцы накручивали прядь волос.

Барин хмыкнул:

— А знаете что? Правьте-ка сами. Вот, держите поводья.

Варя вскинула брови:

— А можно?

— Если слезете с моей фуражки...

Девушку подбросило — щёки порозовели. Незнакомец поднял с сиденья фуражку и, поколебавшись, надел на голову девушки.

— С этой минуты вы капитан повозки. Везите нас, сударыня, к этому вашему болоту.

Она промолчала. Лошадка слушалась так, словно только и ждала, чтобы её передали в умелые руки.

— А вы...

— Извольте говорить мне «ты», барин.

— Тогда и вы... То есть ты... Зови меня Николаем. Я — Коля.

Он протянул ладонь. Варя хихикнула: ох, мужчины... Всём им надо потрогать друг друга в знак приветствия.

Минуту-две ехали в молчании.

— А ты вообще кто? Чем занимаешься?

Варя приосанилась.

— Я-то? С прашурами говорю. Людям помогаю. Не за так, конечно...

Коля хмыкнул:

— И сколько стоит твоя помощь?

— Пять рублей.

— Ого! — присвистнул он совсем не по-барски. — Пять целковых за обряд?

Позже, размышляя над сказанным, Варя и сама не поняла, почему ответила именно так:

— За один лишь взгляд. Ну что глядишь, Коля? Не рассчитаешься.

Он покачал головой. Что-то пробормотал, не разобрать.

— Душу не жалко за такой взгляд.

Варя опустила глаза. И совершенно напрасно.

Эгоистка пошла боком-боком, и под копытами зачавкала грязь. Колёса с весёлым скрипом устремились к трясине.

Голос Николая походил на рёв молодого тура:

— Полундра!

«Никак спятил?» — успела подумать Варя, прежде чем коляска с размаху ухнула в густую хлябь.

Глава седьмая, в которой на жизненном пути встречаются кочки

Отложив перо, Настасья взглянула на свечи. Теперь в них не было нужды: солнце сияло тысячей канделябров. Ночной морок сахарной головой растворился в крепко заваренном утре.

Скоро с охоты вернётся дядя — Александр Митрофанович Цаплин. А тут такое...

Господи-Боже.

Настя прошла на цыпочках мимо Премьерова — бедняга храпел на сдвинутых стульях — и выскользнула на улицу. Ноги сами понесли её к топи — этой проклятой и святой обители.

Шла, стараясь ни о чём не думать. Ни о покойнике, ни о дяде, ни о женской привычке бежать от самой себя.

— Ну-ну, барышня, — собственные мысли прозвучали так, будто кто-то прошептал их на ухо. — У тебя же есть дело: кто будет вытаскивать карету? Надо найти место затопления — пометить веткой или тряпицей. Вернётся дядя — организует мужиков. Даст Бог — вытянут.

Четверть часа спустя она всё поняла.

Вздыхала, стоя у края чёрной воды, глядя, как вздымают-

ся и опадают пузыри...

Она явилась сюда не за каретой. Не из страха оказаться лицом к лицу с Цаплиным. И даже не из сакраментального женского: «Я хочу побыть одна».

Нет, нет и ещё раз — нет.

Она боялась остаться в доме наедине с собой. Дом — символ нормальной жизни. Очага, семьи и любви. Позвоительно ли убийце топтать грязными сапожищами эту святошь?

Нет. Сперва надо очиститься.

А впрочем...

Она боялась даже не этого, а... собственного внутреннего спокойствия. Тишины. Довела человека (пусть и негодяя) до гибели — и ничего. Небо не рухнуло на землю, по нему всё также вьётся пряжа облаков.

В эту минуту болото ожило, разошлось по водной глади мелкой рябью. Тихо, едва ли не ласково.

Зачем она здесь? Не потому ли, что во всем этом не было упрёка? Лишь покой.

Девушка поёжилась: что делать? Не прямо сейчас. Тут всё ясно — немного постоит, соберется с мыслями и зашагает обратно к усадьбе.

А вообще? Что делать дальше?

Ехать домой? Задержаться в «Грозовой топи»?

Мать всегда говорила: поступай, как велит сердце. Но сердце — невозмутимый кровавый насос — молчало, дело-

вито сокращаясь в груди.

Тук-тук. Тук-тук.

На лице Настасьи появилась печальная улыбка. Даже у сердца есть своя работа. Оно точно знает, что и как делать.

— Не ведаешь, что содеять, матушка?

Настя вскрикнула от неожиданности. Надтреснутый, певучий голос мог принадлежать только Терентию Волхву. Он стоял в двух шагах, устало опираясь на посох. Тоже ещё явление Христа. Этого стоило ожидать. Единственной загадкой было молчание колокольчиков. Или старец взялся за ум и вычесал их из бороды? Как поступают со своим туалетом приличные джентльмены.

— Не знаю, зачем вообще сюда пришла, — ответила Настасья. Слова сорвались сами собой, будто присутствие Волхва располагало к откровенности.

— Ты, матушка, — сказал он, не глядя на неё, — пришла не просто так. И прекрасно это знаешь, — он кивнул в сторону болота. — Ты его гостья...

Услышь Настя подобные речи в Одессе или Петербурге, перешла бы на противоположный тротуар. Но здесь, на берегу трясины, слова блаженного прозвучали как-то даже разумно. Если не сказать буднично.

— Чья гостья? — Брови девушки всё же не удержались на лбу. — Болота? Послушайте, сударь, неужто вы и правда считаете его живым? Поклоняетесь...

Старец по-прежнему не смотрел на неё:

— Я говорил об утопленнике.

Настя открыла было рот, чтобы возразить, но тут же хлопнула себя по лбу. Проклятые мошки! Проснулись и решили напомнить людям, что стоять на одном месте в их краях, или лучше сказать, в охотничьих угодьях — чистый моветон.

В голову пришла отстранённая мысль.

Говорят, на болотах средней полосы водится до тридцати видов комаров. А вот кому кровососы! Налетай-разбирай: на любой вкус и кошелёк.

Она едва не всхлипнула: душа мечется, стонет, а телу — плевать! Как всегда. Для него укусы и зуд важнее.

— А вы, стало быть, — она снова отмахнулась от комара, — решили, что во всём виновата именно я, не так ли? Что я собственноручно утопила вашего горе-управляющего?

Она ожидала, что Терентий взбеленится или, напротив, пожмёт плечами. На всё, дескать, воля Божия... Старец не сделал ни того, ни другого. Заговорил совсем уж невнятно.

— Неча дивиться, матушка. Ты живая. Живые держат в голове страшное, чтобы помнить. Не ради мёртвых. Им-то — всё едино. А токмо ради себя. Память отворяет дверь в новый день. Что сей день без неё? Черета потешных картинок... Ты, матушка, пришла сюда, чтобы жить. Просто жить дальше.

Настасья только и смогла, что всплеснуть руками. Что за край сумасшедших? Волхв, болото, а ещё, говорят, есть тут какая-то ворожея. Как бишь её? Марфа? Варвара?..

Мысли разбегались. Девушка покачала головой.

— Вы любопытный экземпляр, Терентий. Можно вас так называть? Однако... Всё это пустая философия. Софистика. Вам, милостивый государь, нужно чаще бывать среди людей. Кстати, где ваша спутница? Палаша, кажется...

Ветер в камышах стих, жадно прислушиваясь к беседе.

В наступившей тишине комариный писк подозрительно смахивал на погребальный хор. Словно сотни мертвецов шептали одну и ту же молитву.

— Там... — отмахнулся Терентий. — Иль не слышишь? Это она и зовёт. С клюквенной поляны.

Настасья замерла.

И точно — откуда-то из глубины, из-за густой осоки и тёмной воды, донёсся жалобный голос.

Не то крик, не то стон.

А может, пение?

От страха и гнева Настасья забыла, как дышать. Щёки пылали.

— С клюквенной поляны? Посреди топи?! Она же ребёнок! Как можно отпускать девочку за ягодами?

Старец не дрогнул. Казалось, он превратился в древнего идола — изваяние, вырезанное из коряг и мха.

— Она ушла не за ягодами. За уроком. Там, где тишина, — смерть. Всегда смерть. Костлявая стелет гладкую дорожку. А жизнь...

Старец поднял посох и коснулся им поверхности болота.

Вода не отреагировала. Поверхность едва дрогнула, не пошла кругами, не издала ни звука.

— ...Жизнь полна кочек, — продолжил юродивый. — Их не надобно мыслить препятствием. Кочки — это и есть путь. Они не мешают, а учат. Учат идти.

Чтобы не вцепиться в клочковатую бороду и не выдрать её вместе с колокольчиками, Настя отвернулась.

Всё. Сбрендил. Надо что-то делать!

— Значит так, господин Терентий, или как вас там? Немедленно верните Палашу на твёрдую землю! Предупреждаю, если с ней что-нибудь случи...

Девушка заставила себя вновь посмотреть на Волхва и осеклась. Старца нигде не было. Он исчез. Кабы не примятая трава, в его существовании можно было бы крепко усомниться.

В груди девушки, пять минут назад жалевшей утопленника, рванул пороховой погреб.

Она готова была задушить доморощенного философа голыми руками.

Нужно бежать в усадьбу за помощью...

Крик Палаша перешёл в хрип. В горловое пение шамана, что захлёбывается собственными мелодиями.

Боже. Неужто девушка и правда захлёбывается? Тонет?

Медлить нельзя. Помощь не поспеет.

Настасья осенила себя крестным знаменiem и, стиснув зубы, прыгнула на ближайшую кочку. Затем на вторую. Тре-

тью.

— Держись, милая! Я иду.

Странное дело, в эту минуту она была почти спокойна. Знала, что нужно делать. Ставить ногу на твёрдую землю. Шаг за шагом. Только и всего.

Далеко за спиной раздался вой. Нет. То был не чудовищный рёв топи. Не призрак и не бес.

Песнь охотничьего рога. Это дядя наконец вернулся с охоты.

Настина душа, казалось, того и ждала. Так чувствует себя человек на необитаемом острове при виде белых, обещающих спасение парусов.

По щекам покатились долгожданные слёзы. Девушка сердито утерлась рукавом и ускорила шаг.

Глава восьмая, в которой перед Ворониным простирается лестница в небо

— Забавно, не так ли? — На лице Есаула, вопреки шутливому тону, не дрогнул и мускул. — Тот, о появлении кого вас предупреждает друг, сам доставил письмо-предостережение. Это как если бы пёс притащил в пасти сорванную табличку: «Осторожно, во дворе злая собака!»

Воронин в который раз покачал головой.

Ещё вчера он застрял на болоте с Варей... Боже, продлить бы мгновение! Как славно смеялись, вынимая коляску из хляби. Над головой звёзды, по волнам скользят серебристые блики. Затем, прижавшись друг к другу и выбивая зубами гимн озябшим, они ехали обратно в имение.

А нынче нужно принимать гостя из Петербурга. Столь неожиданного, что он, пожалуй, стоит не одного татарина, а целого тумена.

Проклятье! Словечко из Вариного лексикона...

Николай Алексеевич загнал воспоминания в клетку и заставил себя поднять глаза на Есаула.

Притащила нечистая.

Что он там тянет? Ах да, письмо.

Сидит, сверкает глазами — и при каждом движении —

дзинь да дзинь. Чёртовы шпоры!

Прочтите, говорит, Николай Алексеевич, я подожду.

Лист испещрён знакомым почерком.

Ах, Миша, Миша, ты всегда был записным каллиграфом...

Михаил Афанасьевич Сухарев — помощник корабельного доктора. Славный малый, добропорядочный супруг и отец... Потому и стал без промедления членом научного общества. В Сухареве завсегда водилась карьеристская жилка — дружить с нужными людьми, пить с ними, как с родным тестем после парилки...

Вот и сейчас. Миша был бы не Мишей, коль не выдал бы его Есаулу. Что он там пишет? На второй странице...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.